

Борис ЛУКИН

г. Москва

ПУСТЬ БУДЕТ ВЕЧЕН ЭТОТ ЧАС...

Скажем, читатель, вместе, перефразируя поэта, когда в руках наших новая книга поэзии.

Эта миниатюрная книжица – размером с пачку сигарет – оказалась подведением итога тридцатилетия творчества Валерия Дударева, известного поэта, главного редактора журнала «Юность».

В прежние годы на таком посту у редактора вышло бы собрание сочинений. Мы же имеем перед собой прекрасно оформленные 190 страниц – и сожалеем об отсутствии более солидного «Избранного».

Всё в этой миниатюре-шкатулочке выложено по годам написания (при некоторой творческой неразберихе, вовсе не мешающей восприятию).

Стихи автором разбиты наособицу: «Стихотворения: 2009–1979 годы», заняв большую часть книги, продолжены стихами из циклов «Московские этюды, 1990–1988 годы», «Восточный вариант, 1991–1990 годы», «Из итальянских стихов, 2009–2008 годы».

А камертоном стало, на наш взгляд, последнее стихотворение «К Иисусу». Вот небольшая цитата:

*Не прекращай!
пусть весело живётся
В коротком сумраке
речного пустыря,*

*Где дела нет камням,
как гордо и животно
Взлетает над землёй последняя заря!*

*Ни в маленьких садах,
ни в речке,
ни в просторе*

*Нет колыханья уст,
нет наблюденья глаз.*

*Смоковнице нашлось решение простое –
Найдётся и для нас сегодня же.*

Сейчас!

Этакий доведённый до совершенства вариант «оды к радости» в исполнении Дударева, развитие открывающих сборник строчек: «Мне доступны и суша и море, И другая весёлая мгла!»

Естественно, с такой установкой поэт – по мысли автора – «мера всего».

Не только в жизни. Пожалуй, и в вечности.

Не потому ли так вдумчиво Дударев передвигается в пространстве жизни – Россия, Италия, бывшие республики СССР?

Может, в дороге продумана мысль-девиз, ставшая впоследствии строчками из стихотворения «Гунны»:

*Если творенья не пахнут степью –
Выкини их в окно!*

Опору этому взгляду поэта находим в середине книги, в стихотворении «Спаситель» более чем доходчиво объяснена эта тяга к пути – «одинокому», «миражному», «просёлочному», «дикому» – через образ Христа-странника. Переосмысливая евангельскую притчу о самаритянке, напоившей Его, предстающей теперь в виде русской старухи, устремившей «долгий, внимательный взгляд» на пьющего из крынки Спасителя перед – предугадываемым, но вовсе не естественным в каждых устах – возгласом: «Исусе, спаси!»...

Я прочитал эту книгу несколько раз, всякий раз стараясь ухватить ключевую идею.

Сразу не получалось. Удавалось лишь понять, что эти стихи необычны для дня нынешнего своим лиризмом.

Лирическая стихия – волна за волной – овладевает вами, и вы погружаетесь в круговерть по строчкам: «Тумань меня бездна! Тумань!»

Там в глубине сквозь «ночи синие до трезвости» иль «одиночество ручейное» увидится и «чудо рыжее, репейное», и «еловая илистость дна», и «даже летние мечты, тропинки, бабочка, цветы», «сухопутная ящерка ржавая», – а при всплытии «разлетаются пенные краски» и рождается возглас-всхрип: «дана вселенная – одна!.. и на губах земно, речно – и горько на губах».

Такого обилия обоснованно расставленных восклицательных знаков в стихах я не видел с цветаевской поры. Всё естественно в этой высокой тональности –

ЗАДОР, с которым только и можно так написать:

*В сумерки сонные,
в сумерки сочные
Кто-то же всё-таки смог
Вдруг рассмотреть в васильках у обочины,
Как наливается слог!*

ВОСТОРГ – «замри, как замирает тень!»

ЯРОСТНОЕ ЖИЗНЕЛЮБИЕ:

*Мелькнёт, чтоб снова повториться!
И повторяется уже
Сухим листком, смешной синицей,
Дымком на дальнем рубеже...*

УПОИТЕЛЬНЫЙ КУРАЖ:

*Я хочу, чтоб ты молчала.
Я хочу, чтоб я погиб.*

Кураж, вызванный не бесшабашностью характера, а вековой предначертанностью каждому своего пути:

*...Пусть ещё и темно!
Даже гибло и кисло!
Но душа-то уже ожиданьем полна!
Ожиданьем огня той немислимой доли,
Что дороже домашней нескладицы всей!
Надо только суметь!
Надо выбраться, что ли,
В дальний мир навсегда
из берлоги своей?
...Отыскать полынью!
А уже напоследок
И звезду отыскать в чёрном небе своём!*

Поистине ФИЛОСОФСКОЕ СМИРЕНИЕ, при всей возбудимости поэтической природы (вспомните знаки восклицания!):

*Господи, чего же людям надо?
И любовь и смерть в России есть!*

Даже когда Дударев иронизирует по поводу строчки Заболоцкого «не позволяй душе лениться...», выкрикивая современнику: «Ленись на славу! Ради Бога! Ленись! Ведь труд всему виновой!», понимаешь: человечество настолько изменилось, что приходится радоваться наличию души, подразумеваемая – дальше всё приложится. А то и правда – один рабский труд остался. Ни труд во славу, ни труд как счастье и судьба, а подневольный – лишь бы семье с голоду не умереть (правда, об этом поэтом не говорится в лоб, а только подразумевается). Ирония убийственна для жизни и поэзии, но ничего другого не остаётся пииту – нет никакой надежды дожидаться, «когда, под лунами страдая, душа молитву обретёт!».

Если вы думаете, что книга Дударева напичкана словом «Бог», то ошибётесь. Все примеры я процитировал. Но внутренняя концентрация веры велика, и именно её я вычитал многократным повторением уже знакомых стихов.

Что это? Сознательная социализация, когда поэт подстраивается под светскость читателя?

Думаю, умышленное ритмическое пропевание в звуко-смыслах без произношения самого слова

– от уверенности, что душа читателя (при факте присутствия) ещё не потеряла родовую память и сама произнесёт в нужный момент главное Имя с выстраданной Дударевым *интонацией*. Простые смыслы и умения цивилизацией утеряны и физически, и духовно, но понимаем же мы, что соловей по весне поёт о любви... если слышим.

Слышащего читателя он ведёт дальше, чуть ли не к самоотрицанию, для того, чтобы стал он, как поэт – *мерой* всего в мире:

*Поди!
Упади на дорогу!
Познай
и крушенье,
и путь!
Поверь
попрошайке,
как Богу!
Но даже поверив –
забуди!
Забуди даже ветхие крыши,
Наличников прошлый канон,
И всё,
что даровано свыше, –
Всё-всё до скончанья времён!
Забуди,
даже если распяты
Почудится в звёздном ковше,
И эхо
разбойное,
татья
Прольётся в степном мираже!
И счастье цыганская дева
В скиту нагадает чуть-чуть,
Где знаменье справа и слева!
В них даже поверь!
Но забудь!*

Не противоречит поэт себе, когда его «душа не понимает, который нынче год!» – ничего не изменилось под луной: человек – грешен и свободен в выборе, а Бог – милостивый Творец, вдохнувший когда-то в него душу – вечную странницу.

Дударев развивает эту мысль на новом витке вечного пути поэта, уже познав, как «Трудно в России жестокой *Добрый роман написать!*»

Отсюда и – «Забудь!» Это как память знания, которое необходимо преодолеть в себе, иначе движения вперёд не будет. Всякий творческий человек в своей жизни избавляется от этого учебного внешнего знания. А сегодня в России всем-всем ой как требуется это освобождение от накиданных-наваленных за годы вседозволен-

ности лишних «знаний». Тогда и наступит свобода своего выбора.

Потому и – «Забудь!», что «знаменья справа и слева»: непроговариваемые в этом стихотворении (а мы-то привыкли подспудно ощущать и понимать, что же там писатель недоговаривает), высказаны они в другом: «*диким поверьем, былинной станем...*», т.е. есть с чем нам войти в историю, есть этот необходимый потомкам информационный пласт опыта поколения, пережившего распад великой империи и лицемерящего варваризацию, почти как в Древнем Риме.

Итогом периода познания рождается у поэта поистине мистическое предчувствие «освобождения». Но для чего, спросите, нам его «ожидание освобождения»? Ответ в стихотворении «В степи»: чтобы «*время ощутить бескрайне и полётно, как люди на земле ни разу не смогли!*»

Время ощутить... – бескрайнее. И вспомнить, что человек вечен, как небо над головой и степь под ногами.

Замкнулся наш круг – стихи опять запахло степью. (Абсолютно непреднамеренно для пишущего эти строки – пусть улыбнётся скептик-российский мудрец.)

Поубавив пафоса, крутанём карусель жизни, пробуя на вкус интонацию поэта: «*Не прекращай...*» «*Смоковнице нашлось решение простое – Найдётся и для нас сегодня же. Сейчас!*»

Может, для поиска подобных доказательств смысла бытия и существует поэзия...

**Валерий ДУДАРЕВ. Интонации:
Стихотворения. – М.:
Художественная литература,
2012. – 192 с.: ил.
– (Миниатюрные издания).
– Тираж 1000 экз.**